

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . . . .
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

А. Д. Новичев

ГЮЛЬХАНЕЙСКИЙ ХАТТ-И ШЕРИФ 1839 г. И ЕГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1839 год в истории Турции является началом особого периода, так называемых **благодетельных реформ** (*tanzimat-i haugiyе*), длившегося свыше тридцати лет. Реформы были вызваны объективными потребностями развития страны. Наиболее дальновидные лица из господствующих слоев страны, особенно те, которые побывали на Западе и ознакомились с его государственными учреждениями, условиями экономической и культурной жизни, пришли к мысли, что без реформ по западному образцу Турция не будет в состоянии развиваться по пути прогресса. Наиболее выдающийся из них — Мустафа Решид-паша, бывший послом в Париже и Лондоне и назначенный в 1837 г. министром иностранных дел, возглавил борьбу за реформы. Сам султан Махмуд II, который начал проводить реформы еще в 1826 г., оказал ему поддержку. В 1838 г. особая комиссия начала разрабатывать проект высочайшего указа о реформах.

Помимо причин, указанных выше, в 1839 г. возникла еще одна: настоятельная необходимость принятия закона о реформах диктовалась внешнеполитическими событиями. В этом году, 24 июня, Турция понесла тяжелое поражение от египетского паши Мухаммеда Али. Ее дальнейшая судьба теперь зависела от европейских держав — Англии, России, Франции, Австрии и Пруссии, вмешавшихся в турецко-египетский конфликт и взявших в свои руки определение условий, на которых этот конфликт должен был быть разрешен. Среди названных держав Франция решительно поддерживала Мухаммеда Али — при ее помощи он провел ряд крупных экономических, политических, административных и культурных реформ, за что пользовался среди французов большой симпатией. Но и в Англии, правительство и господствующие слои которой были враждебно настроены по отно-

шению к Мухаммеду Али, имелось немало сторонников египетского паши, почитавших его как реформатора. Поэтому Мустафа Решид-паша пришел к мысли, что реформы необходимы также и для того, чтобы завоевать симпатии и доверие в западных странах и тем самым снизить авторитет Мухаммеда Али¹. Он считал необходимым «продемонстрировать Европе, что султанское правительство, подобно египетскому паше, способно установить в Османской империи либеральный и современный режим»².

Вопрос о реформах Мустафа Решид-паша обсудил с Пальмерстоном во время своего пребывания в Лондоне и обещал ему по возвращении на родину предпринять соответствующие шаги³. Заняв пост министра иностранных дел, он стал форсировать подготовку султанского указа о реформах. Преодолев сопротивление своих противников-консерваторов, Мустафа Решид-паша добился обнародования султанского хатт-и шерифа (священного указа) о реформах. Это историческое событие произошло 3 ноября 1839 г. По месту, где состоялся акт провозглашения указа, он получил название Гюльханейского. Среди многочисленных гостей, приглашенных на церемонию, были и послы иностранных государств в Стамбуле. Этим султан как бы демонстрировал официально, перед всем миром, в особенности перед Европой, что Турция встала на путь реформ.

Вкратце содержание Гюльханейского хатта сводится к следующему: султан декларировал, что всем подданным будет обеспечена сохранность жизни, чести и имущества; он обещал взимать налоги сообразно имущественному положению, реформировать саму систему сбора налогов, отменить откупа, упорядочить набор рекрутов и сократить срок военной службы до четырех-пяти лет; обновить законодательство, запретить продажу должностей, устранить произвол, ликвидировать взяточничество и др.

Гюльханейский хатт содержал важное обязательство уравнивать всех подданных перед законом, независимо от вероисповедания и этнической принадлежности. Мустафа Решид-паша придавал этому обязательству большое значе-

---

¹ Г. Розен, История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. В двух частях. Пер. с нем., ч. II, СПб., 1872, стр. 16—17; E. d. Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes dans l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'à nos jours, vol. I, Paris, 1882, стр. 29; Prokesch-Osten, Mehmed-Ali Vize-König von Aegypten. Aus meinem Tagebuche. 1826—1841, Wien, 1877, стр. 133.

² B. Lewis, The emergence of modern Turkey, London — New York — Toronto, 1966, стр. 105.

³ Prokesch-Osten, Mehmed-Ali, стр. 126.

ние, полагая, что оно будет особенно благожелательно встречено в христианской Европе⁴.

Гюльханейский хатт произвел в западноевропейских странах благоприятное впечатление⁵. Прокеш-Остен по личным наблюдениям констатировал, что обнародование Гюльханейского хатта достигло своей цели. «Решид-паша, — писал он, — был признан за границей и частично внутри страны как новая сила в турецком государстве, с которой нужно считаться и на которую можно рассчитывать»⁶. Его современник русский дипломат К. Базили свидетельствует, что Мустафа Решид-паша, которого он называет автором хатт-и шерифа, включив в этот акт обязательство уравнивать христиан в правах с мусульманами с целью «довершить его очарование перед кабинетами и общественным мнением Европы», «вполне успел в этом, и с той поры обеспечил себе самое деятельное сочувствие английского кабинета»⁷.

Из четырех держав (Англия, Франция, Россия, Австрия), интересы которых в той или иной степени затрагивались обещанными реформами, только первые две с удовлетворением встретили Гюльханейский хатт.

Английское правительство восприняло хатт прежде всего в свете своей антирусской политики. Усматривая в деятельности России на Ближнем Востоке угрозу интересам Англии в этом районе, а также путям, связывавшим ее с Индией, английское правительство видело в реформах средство, которое укрепит Турцию и превратит ее в антирусский бастион на Ближнем Востоке. В Англии считали, что осуществление провозглашенного в хатте принципа равенства мусульман и немусульман приведет к тому, что исчезнет повод для вмешательства России во внутренние дела Турции под флагом защиты единоверцев и «братьев-славян». Тем самым, казалось им, влияние России на Ближнем Востоке будет ослаблено, что позволит Англии расширить ее влияние в Турции⁸. Пальмерстон даже «находил, что заявленных Портой (в Гюльханейском хатте. — А. Н.) добрых намерений совершенно достаточно для включения ее в семью цивилизованных христианских государств»⁹.

⁴ R. Kaynar, Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, Ankara, 1954, стр. 99.

⁵ Ed. Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, стр. 29; С. Bilsel, Tanzimatın harici siyaseti, — «Tanzimat», Ankara, 1940, стр. 2.

⁶ Prokesch-Osten, Mehmed-Ali, стр. 128—129.

⁷ К. Базили, Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях, М., 1962, стр. 186.

⁸ T. Ünal, 1700-den 1958-e kadar türk siyasi tarihi, 2-ci baskı, Ankara, 1958, стр. 121; Т. З. Тунава, Türkiye'nin siyasi hayatında batılılaşma hareketleri, İstanbul, 1960, стр. 37.

⁹ С. Татищев, Внешняя политика императора Николая Первого, СПб., 1887, стр. 578.

Французские правящие круги также разделяли мнение, что Гюльханейский хатт приведет к столь желательному для них ослаблению позиций России на Ближнем Востоке. В этой связи они особенно благоприятно встретили провозглашенный в хатте принцип равенства между мусульманами и немусульманами¹⁰.

Английская и французская пресса восторженно приняла Гюльханейский хатт и славословила его творца Мустафу Решид-пашу. «Западная печать единогласно приветствовала возрождение Турции и пророчила ей большую будущность на пути либеральных преобразований»,— писал С. Татищев¹¹.

«Впечатление, произведенное Гюльханейским хатт-и шерифом,— пишет Г. Розен,— оправдало цель своего виновника (Мустафы Решид-паши.— А. Н.) не только за границей, но и внутри. Публика не обратила внимания на ту истину, что легче давать хорошие законы, нежели одним росчерком пера искоренить в устарелом правлении скрывающиеся повсюду, как в голове, так и членах, слабости и другие дурные наклонности; все готовы были принять добрую волю за самое дело, одним словом, все надеялись на золотые горы. Прославление либерального министра (Мустафы Решид-паши.— А. Н.) султана Абдул-Меджида в европейской прессе, особенно в Англии, начало равняться похвале Мухаммеду Али»¹².

Особенно тепло встретила Гюльханейский хатт-и шериф французская пресса; не скупилась она и на похвалы в адрес Мустафы Решид-паши. Так, газета «L'Univers» в номере от 26 ноября 1839 г. писала, что предоставление некоторых основных политических прав, которыми пользуется мусульманская нация, всем подданным Османской империи, если это обещание будет выполнено, «неизбежно приведет к изменению ее облика и послужит основанием для институтов, которые позволят Турции вступить на путь современной цивилизации. Это великое дело — продукт просвещенной идеи и благотворного влияния Решид-паши»¹³.

Другая французская газета, «La Presse», назвала Гюльханейский хатт «подлинной конституцией». Она писала: «Это не современная конституция, лишенная недостатков. Вместе

¹⁰ T. Ünal, 1700-den 1958-e kadar türk siyasi tarihi, стр. 121; Т. З. Тунауа, Türkiye'nin siyasi, стр. 37.

¹¹ С. Татищев, Внешняя политика императора Николая Первого, стр. 578.

¹² Г. Розен, История Турции, ч. II, стр. 20.

¹³ Sabri Esat Siyavuşgil, Tanzimat'ın Fransız Efkârî Umumiyesinde uyandırdığı akıslar,— сб. «Tanzimat», İstanbul, 1940, стр. 4.

с тем она довольно хорошо составлена и имеет значение свода законов, который поможет вырвать с корнем злоупотребления, разрушавшие Османскую империю. Бесспорно, этот акт не останется без влияния на другие восточные народы»¹⁴.

Газета «La Siècle» в номере от 9 ноября 1839 г. описала церемониал провозглашения Гюльханейского акта, опубликовала его текст, охарактеризовала его как «революцию в системе управления и социальную»¹⁵.

Газета «Le National» подчеркивала не только внутреннее, но и внешнеполитическое значение Гюльханейского хатта, который она оценивала как «конституционный акт», как «революцию, подобную европейской», свидетельствующую «о политическом и социальном прогрессе» (в Турции.— А. Н.). По мнению газеты, значение указа состоит в том, что он открыл в Турции путь к успешной революции, которая представляет опасность для Мухаммеда Али¹⁶.

Сопшемся еще на газету «Le Temps», которая охарактеризовала провозглашение Гюльханейского хатт-и шерифа как «бескровную и великую революцию». Потеряв всякое чувство меры, газета писала, что «султан воздвиг политический и социальный режим мусульманской нации на основах, на которые опираются западные государства». Газета даже высказала мнение, что Гюльханейский указ является «своего рода свидетельством на вступление Турции в великую европейскую семью»¹⁷.

Во французской печати было также высказано мнение, что «Гюльханейский указ, подобно Декларации прав человека, опирается на два великих принципа — равенство и справедливость»¹⁸.

Английская пресса была более скромна в оценках. Но некоторые газеты также рассматривали Гюльханейский хатт как крупное положительное событие. Так, газета «The Times» писала: «Его величество султан заново воссоздал свое государство. Он установил такой режим, которого Османская империя до сих пор не знала... Если она пойдет по этому пути, то это будет очень хорошо. И есть много надежд на то, что так и будет»¹⁹.

В Австрии правящие круги внешне как будто приветствовали Гюльханейский хатт, но по существу осудили его ос-

¹⁴ Там же, стр. 4.

¹⁵ Там же, стр. 4—5.

¹⁶ Там же, стр. 6.

¹⁷ Там же, стр. 6.

¹⁸ Там же, стр. 7.

¹⁹ Там же, стр. 2.

новые прогрессивные принципы. В пространной депеше австрийскому послу в Константинополе Штюрмеру от 3 декабря 1839 г. Меттерних писал: «Султан недавно опубликовал торжественный акт, который поверхностные умы квалифицируют как конституцию, но который для вдумчивых, а следовательно, и более практических людей имеет ценность декларации основных принципов...». Отрицательно отозвавшись о конституциях вообще (по его мнению, конституции в течение 50 лет, со времени Французской революции 1789 г., причинили Европе много бед), Меттерних заявил далее: «...то, что сделал султан Абдул-Меджид, столь же правильно, сколь и мудро. Он провозгласил принципы, которые должны служить базой его правления; эти принципы верны и они опираются на религиозный закон — высший закон для всякого государства». Меттерних поручил Штюрмеру от имени австрийского двора передать Дивану самый благоприятный отзыв о последнем акте султана, но сопротивил его советом, который мог быть благоприятно воспринят только турецкими реакционерами и консерваторами. Канцлер писал: «Будучи друзьями Порты и желая ей лишь добра, мы всегда готовы аплодировать всему, что может быть полезным и благоприятным для интересов трона султана, — интересов, которые мы рассматриваем как нечто неотделимое от процветания его империи»²⁰.

Вслед за тем Меттерних подробно изложил Штюрмеру свои «идеи о реорганизации Османской империи», которые обнаруживают, что австрийский канцлер отвергал все прогрессивные принципы Гюльханейского хатта.

Меттерних делал особый упор на то, что Гюльханейский акт призван укрепить султанский трон. Он настойчиво рекомендовал султану и Порте не вводить новшеств, которые, по его мнению, не соответствуют устройству («конституции», пишет он) турецкого государства. Это всегда кончается плохо. В этой связи Меттерних критически отзываясь о Махмуде II. По его мнению, самая крупная ошибка этого султана состояла в том, что он придавал больше значения

²⁰ Mémoires, documents et écrits divers laissés par le Prince de Metternich, Chancelier de Cour et d'Etat. Publiés par son fils le Prince Richard de Metternich... Deuxième partie. L'Ère de paix (1816—1848), t. VI, Paris, 1883 (далее — Metternich, Mémoires), стр. 378—379. Немецкое издание: Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Herausgegeben von dem Sohne des Staatskanzlers Fürsten Richard Metternich-Winneburg... Bd 6, Wien, 1883 (далее — Metternich, Papieren). В немецком издании депеша Меттерниха Штюрмеру дана также на французском языке — оригинале документа. Турецкий перевод депешы см.: Hıfzı Timur, Türkiye'de Abdülmecid'in islâhâtı hakkında Metternich'den İstanbul'da Baron von Stürmer'e, — сб. «Tanzimat», İstanbul, 1940.

форме, чем существу дела, и приписывал форме ту ценность, которая реально присуща только содержанию предпринятого дела»²¹.

Сущностью, или базой, Османской империи Меттерних считал ее мусульманскую структуру. «Чтобы жить и процветать, Османская империя должна искать все средства улучшения своей внутренней администрации в самой базе своего существования и затем присоединить к ним, сохранив мусульманские формы, все то полезное, что она может заимствовать у иностранцев. Что касается этих заимствований, то Диван должен предварительно и тщательно изучить, соответствуют ли они его принципам».

Меттерних предостерегает Порту от приглашения европейских специалистов. По его мнению, такую ошибку допустил Махмуд II, пригласивший иностранных военных специалистов для организации новой армии. В результате, говорит Меттерних, «Порта имеет солдат и офицеров, более или менее одетых по-европейски, но она не имеет больше армии, так как, допустив расформирование старой турецкой армии, она не смогла создать другую»²².

Вновь и вновь рекомендует он Турции сохранить свою самобытность. Он поучает Порту: «Государство должно прежде всего быть самим собой, если оно хочет быть сильным». Меттерних настойчиво твердит, обращаясь к Порте: «оставайтесь мусульманами». И еще: «Лучшие учреждения, как и лучшие правительственные меры, те, которые соответствуют обычаям, а также нравам и моральным и материальным потребностям страны, в которой они должны найти применение»²³.

²¹ Меттерних не впервые ополчался против реформ Махмуда II. В депеше австрийскому послу в Париже Аппони от 3 июля 1839 г., т. е. за четыре месяца до провозглашения Гюльханейского хатта, он писал, что тяжелое положение Османской империи является следствием предшествующих реформ. Старый порядок вещей был разрушен, а новый — это обман. Пустота заняла место того, что никогда не должно быть разрушено. Имея в виду реорганизацию Махмудом II правительства по европейскому образцу, Меттерних заявляет: упразднение везирата Махмудом II привело к тому, что новое правительство оказалось без власти в стране, где люди всегда должны быть ведомы железной рукой (Metternich, Mémoires, стр. 370; Metternich, Papieren, стр. 350).

²² Очевидно, Меттерних прежде всего имел в виду ликвидацию янычарского корпуса в 1826 г. Однако он извращал историческую действительность, так как к этому времени янычарский корпус давно уже потерял свою боеспособность. Феодалное sipахийское ополчение также потеряло свое былое значение в связи с разложением военно-ленной системы; ее остатки Махмуд II упразднил, совершив тем самым прогрессивный акт. Подробно об этом и о реформах Махмуда II в целом см. в нашей книге: «История Турции. II. Новое время», ч. I, Л., 1968, стр. 134—150 и 216—274.

²³ Metternich, Mémoires, стр. 379—385.

Приведенные высказывания Меттерниха убедительно свидетельствуют, что на деле правящие круги Австрии отрицательно относились к реформам, провозглашенным Гюльханейским хаттом. Да и трудно было ожидать иного отношения от консервативных дворянско-помещичьих кругов, правивших в то время в Австрии²⁴.

Меттерних видел в хатте акт, ущемляющий верховную власть султана (для него — легитимиста и одного из создателей Священного союза — это было совершенно неприемлемо), покушение на права турецких феодально-помещичьих кругов (к таким кругам в Австрии принадлежал он сам)²⁵.

Правящие круги России отрицательно реагировали на обнародование Гюльханейского хатта; их представители характеризовали этот акт как комедию. «Во всем дипломатическом корпусе Константинополя только Бутенев не одобрял этой „комедии“». — сообщает Г. Розен²⁶.

Царский посол был застигнут врасплох Гюльханейским хаттом, публикация которого готовилась в глубокой тайне. Бутенев очень досадовал на эту меру Мустафы Решид-паши. Посол, докладывая об этом Нессельроде, писал, что если бы он знал об этом намерении Порты заранее, то, возможно, ему удалось бы убедить Порту не приглашать иностранных послов присутствовать при провозглашении акта, имеющего чисто внутреннее значение. Присутствие дипломатического корпуса, по словам Бутенева, придавало Гюльханейскому хатту международный характер²⁷. Таким образом, если бы Бутенев знал о готовящемся торжестве заранее, он постарался бы лишить его внешнеполитического эффекта, кото-

---

²⁴ Даже в австрийской энциклопедии Меттерних характеризуется как консерватор и реакционер, который «свою внешнюю политику базировал на Священном союзе. Исходя из основных принципов легитимизма, он выступил против освободительной борьбы греков и тем самым изолировал Австрию. Во внутренней политике Меттерних был страстным противником демократии, либерализма и всех национальных движений». (Österreich. Lexicon, Bd 2, Wien, 1966, стр. 758).

²⁵ Уговаривая Порту последовать его советам, Меттерних для большей убедительности ссылался на воображаемые им успехи собственной политики, которая состояла в том, что «мы приняли и применили все хорошее, что дало время, но мы позаботились о том, чтобы держать подальше от себя то, что на наш взгляд этому не соответствовало». В результате Австрия избежала тех потрясений, которые испытали государства Европы, пошедшие по пути перемен (Metternich, Mémoires, t. VI, стр. 385). Как известно, история сурово наказала хвастливого консервативного канцлера. В марте 1848 г. в Австрии произошла революция, и Меттерниху пришлось спастись бегством в Англию.

²⁶ Г. Розен, История Турции, ч. II, стр. 20. Слово «комедия», взятое Розеном в кавычки, по всей вероятности, принадлежит Бутеневу.

²⁷ АВГР, 1839, МИД, фонд Канцелярия, д. 47, № 304.

рого добивался, как мы видели, Мустафа Решид-паша, и преуспел в этом.

Русский консул в Бейруте, монархист, верноподданный слуга царя Николая I К. Базили узрел в Гюльханейском хатте прежде всего «ограничение прав верховной власти». В этом он видел большую вину Мустафы Решид-паши. «По его внушению,— пишет К. Базили,— и под благовидным предлогом развития системы Махмудовой в новом и торжественном виде министры успели ограничить права верховной власти конституционной пародией, известной под именем Гюльханейского хатт-и шерифа...»²⁸.

Этот акт, по мнению Базили, появился на свет в результате злокозненных, корыстных стремлений министров султана Абдул-Меджида, которые, «помышляя только о своих алчных выгодах, о безопасности своих особ и нажитых богатств, воспользовались в эту пору слабостью своего государя, чтобы публичным актом ограничить единственную в империи власть, которая могла стремиться к добру. Гюльханейский манифест походил на покрывало, сшитое из лохмотьев, сквозь которое проглядывало сознательное расслабление власти в лице верховного ее представителя»²⁹.

Среди причин, вызвавших в правящих кругах России отрицательное отношение к Гюльханейскому хатту, было и понимание того факта, что этот хатт повлечет за собой усиление влияния в Османской империи Англии и Франции и ослабление влияния России.

Историк С. Татищев впоследствии писал, что обязательство султана уравнивать в правах мусульман и немусульман включено в хатт по совету «из Лондона и Вены»³⁰. Другой видный историк внешней политики России, С. Жигарев, высказался более определенно по этому вопросу. Он утверждал, что европейская дипломатия, стремясь умалить «весьма важное право (России.— А. Н.) покровительствовать восточным христианам», начала внушать «балканским народам,

²⁸ К. Базили, Сирия и Палестина..., стр. 181.

²⁹ К. Базили, Сирия и Палестина под турецким правительством, стр. 184. Такая характеристика Гюльханейского хатта человеком, хорошо, по личному опыту, знавшего положение Турции, видевшего собственными глазами, до какого глубокого упадка привел страну насквозь прогнивший режим, и отобразившего это в своих сочинениях, вызывает удивление. Но очевидно, что к этому извращенному восприятию Гюльханейского акта о реформах Базили привело его ультрамонархическое мировоззрение. Ополчаясь против этого хатта, он брал под защиту ничем не ограниченные абсолютистские права любого монарха, не исключая султана. Ведь такова была доктрина Священного союза, опорой которого был повелитель Базили — Николай I.

³⁰ С. Татищев, Внешняя политика императора Николая Первого, стр. 577.

что облегчение их тяжкого положения зависит не от России, а от европейских кабинетов и самого султана». Для подтверждения же справедливости этого внушения Лондон и Вена выступили защитниками интересов восточных христиан и еще в конце 1839 г. добились от турецкого правительства издания хатт-и шерифа — Гюльхане (от 22 октября/3 ноября 1839 г.), которым Порта, главным образом по наущению из Лондона и Вены, если не на деле, то по крайней мере на словах, вводила целый ряд либеральных реформ в христианских областях Турецкой империи и впервые провозглашала начало равноправности «оттоманских граждан» всех исповеданий³¹.

Нет ничего удивительного в том, что Англия и Франция, где установилось господство передовых для того времени буржуазных отношений, благоприятно откликнулись на Гюльханейский хатт-и реформах, а правящие круги дворянско-абсолютистской Австрии и крепостнической России восприняли его отрицательно.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что позиции Англии и Франции определялись прежде всего корыстными политическими и экономическими интересами господствующих классов названных стран. Ведь правящие круги той же Англии, руководствуясь этими интересами, были злейшим врагом беспорно крупнейшего реформатора своего времени на всем Ближнем и Среднем Востоке Мухаммеда Али. Именно Англия и Франция в большей мере, чем сама Турция, со временем воспользовались плодами реформ, осуществлявшихся на основании Гюльханейского хатта. Современный турецкий историк профессор Т. З. Тунайя писал о политике западных держав в отношении турецких реформ: «После того как великие западные державы приобрели свое превосходство над османами, они сперва оказались советниками Порты, затем, взяв инициативу в свои руки, они стали вмешиваться с целью проведения реформ. Еще позже это вмешательство превратилось в сильное давление, которое принимало характер диктата; оно осуществлялось во имя западной культуры, но на деле определялось интересами великих западных держав»³².

Рассматривая внешнеполитический резонанс Гюльханейского хатта, в частности, с точки зрения того влияния, которое он мог иметь на условия соглашения между султаном и Мухаммедом Али, следует коснуться и позиции последнего

³¹ С. Жигарев, Русская политика в Восточном вопросе, т. II, М., 1896, стр. 3.

³² Т. З. Тунайя, Türkiyenin siyasi, стр. 37.

в этом вопросе. С формальной стороны взаимоотношения между султаном и египетским пашой были внутренним делом Османской империи. В действительности же, как известно, Мухаммед Али был независим от Порты и противостоял ей как враждебный глава государства и военный противник. Более того, действия Мухаммеда Али, хотя и не были первопричиной разработки Гюльханейского хатта, но они главным образом ускорили его обнародование.

6 декабря 1839 г. всем вали провинций был разослан султанский ферман, содержащий полный текст Гюльханейского хатта и подробное описание церемониала его обнародования. Ферман требовал от вали, чтобы они довели содержание Гюльханейского хатта до сведения всех жителей подведомственной провинции, обеспечили применение его и строго взыскивали с тех, кто будет его нарушать³³.

Ферман от 6 декабря 1839 г. был послан к Мухаммеду Али (13 числа этого месяца). Вместе с ферманом египетскому повелителю было направлено буйурулду (*buyuruldı*)³⁴ — распоряжение великого везира Хусрев-паши. Действуя подобным образом, Хусрев-паша хотел показать, что Порта рассматривает Мухаммеда Али как обыкновенного вали провинции и предъявляет к нему такие же требования, что и ко всем прочим вали.

Хусрев-паша, люто ненавидевший Мухаммеда Али (тот, как известно, отвечал ему тем же), не упустил случая, чтобы не пустить стрелу в своего противника. «Как известно его светлости паше,— так начинает великий везир свое распоряжение,— никогда нельзя обеспечить в каком-либо государстве хорошее управление и спокойствие его населению, не установив в нем стабильный и мудрый режим, базирующийся на справедливых законах». Но Турция не имела возможности заняться установлением такого режима из-за множества затруднений, которые одно за другим в течение известного времени ее обременяли. (В последних словах содержится намек на то, что виновником отставания Турции в деле модернизации своего режима был Мухаммед Али.) Однако султан, обуреваемый желанием обеспечить процветание империи и благополучие своим подданным, обнародовал соответствующий хатт-и шериф, и аналогичные указы были распространены во всех частях империи. Порта признала необходимым послать эти указы также Мухаммеду

³³ *Firman circulaire adresse au Gouverneurs des provinces...*— G. No-radounghian, *Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman*, t. II, 1789—1856, Paris, 1900, стр. 290—294.

³⁴ *buyuruldı* — распоряжение великого везира (в прошлом — также и управителей провинций — бейлербеев).

Али и его сыну Ибрахим-паше, уполномочив для этой цели бригадного генерала Кямиль-пашу.

После ознакомления с содержанием хатта, говорится далее в распоряжении, паша увидит, что законы, которые на его основании будут установлены, дадут новую жизнь религии, правительству, империи и народу, т. е. то, к чему он, египетский паша, всегда стремился.

В заключение великий везир выразил надежду, что паша озаботится распространением султанского хатта во всех местностях, находящихся под управлением его и Ибрахим-паши, и что будут осуществлены на практике «благотворные принципы», которые содержатся в хатт-и шерифе³⁵.

Из содержания распоряжения Хусрев-паши вытекает, что Мухаммед Али не обеспечил на управляемых им землях тех благ, которые обещает Гюльханейский хатт.

Мухаммед Али прекрасно уловил скрытое коварство письма Хусрев-паши и не остался в долгу. 5 января 1840 г. он направил ответное письмо великому везиру. Паша известил его, что получил из рук генерала Кямиль-паши два экземпляра хатта. Выразив свое глубокое почтение к этому султанскому указу, паша сообщил, что он направил один экземпляр Ибрахим-паше, который обнародует его в главных городах Сирии и в Адане, а копию пошлет в Джедду, и что в Каире будет созвано широкое совещание Дивана, на которое будут приглашены кади, муфти, улемы, шейхи, имамы и кятибы, городские нотабли, европейские вице-консулы, главы немусульманских общин. На этом совещании «с самым глубоким почтением» будет зачитан высочайший хатт и «будут вознесены молитвы за здоровье султана, славу и долголетие его царствования».

Воздав, таким образом, внешнюю дань уважения своему сюзерену, Мухаммед Али в дальнейшем уже писал такое, что должно было вывести из себя великого везира, чего, собственно, он и хотел. Прежде всего он указал на то, что меры, предусмотренные хатт-и шерифом, никогда в Турции не применялись, несмотря на их крайнюю необходимость. По этой причине министры Высокой Порты, несмотря на их преданность, усердие и заботу, напрасно тратили свои усилия. «Что же касается страны, где я нахожусь,— писал далее паша,— то здесь безопасность жизни, чести и собственности благодаря моим заботам вводились постепенно в течение многих лет. Никто не приговаривался к смерти,

³⁵ Bouyourouldu du Grand Vizir à Mehmed Ali Pacha, Gouverneur de l'Egypte, pour la promulgation du précédent Hatti-Cherif, — G. N o r a d o u n g h i a n, Recueil, t. II, стр. 295—296.

кроме как по закону; сильный никогда не смеет покушаться на честь и репутацию слабого; конфискация, штрафы и принудительный труд отменены или ограничены специальными постановлениями, кровная месть не допускается; наконец, все наследники могут получить свою причитающуюся им долю наследства».

Далее Мухаммед Али заявляет, что он ввел в действие несколько кодексов в соответствии с условиями и потребностями страны, что установленный законами срок военной службы был вначале равен пяти годам и лишь в связи с требованиями времени этот срок был продлен до 15 лет и что он применяет и другие благотворные меры.

Своим ответом Мухаммед Али достаточно прозрачно дал понять стамбульским правителям, и прежде всего Хусреву-паше, что он давно уже осуществил в своих владениях реформы, которые декларированы в Гюльханейском хатт-и шерифе, немало при этом преувеличив свои достижения.

Чтобы подсластить пилюлю и не ссориться с султаном, с которым он стремился договориться по основным интересующим его вопросам, Мухаммед Али закончил свое письмо верноподданнической фразой. Сделав лицемерно смиренный вид, он отметил, что из-за встреченных им трудностей при введении улучшений ему не удалось достигнуть полностью желаемых результатов. Поэтому он удвоит усилия, чтобы точно, при поддержке султана, осуществить те славные нововведения, которые содержатся в «милостивом хатт-и шерифе»³⁶.

Старый паша лицемерил. Он был противником реформ западного образца в Турции. Как пишет осведомленный историк Розен, Мухаммед Али был раздосадован обнародованием Гюльханейского хатта; он «не без причины почитал всю эту историю ударом, направленным против него»³⁷.

Действительно, Мухаммед Али во время своего конфликта с Махмудом II всячески старался дискредитировать султана среди турок и других мусульман. Он изображал его как последователя «гяуров» и предателя ислама. Его сын, Ибрахим-паша, во время своих военных действий в Малой Азии стал центром, вокруг которого собирались турецкие консерваторы; он привлекал на свою сторону всех реакционеров, темных фанатиков, уцелевших янычар и др.

Мухаммед Али понимал, что указ о реформах от 3 нояб-

³⁶ Acte responsif de Mehmed Ali Pacha d'Égypte, au Grand-Vizir, assurant l'exécution du Hatt-Cherif de Gulhané. En date du 5 janvier 1840,—G. Noradounghian, Recueil, t. II, стр. 296—298.

³⁷ Г. Розен, История Турции, ч. II, стр. 21.

ря 1839 г. будет способствовать усилению позиций Турции на Западе, притом за его счет. Он имел также все основания опасаться, что обнародование Гюльханейского хатт-и шерифа привлечет в его собственных владениях много людей на сторону султана. Особенно он опасался Алеппского и Дамасского пашалыков (т. е. Сирии), население которых часто восставало против египтян³⁸.

Анализ откликов на Гюльханейский хатт-и шериф показывает, что он имел для Турции известный благоприятный внешнеполитический эффект в западных странах. Однако он не вызвал такого же благоприятного изменения политической ориентации в стране, которая решительно выступала в поддержку египетского паши,— во Франции. По-прежнему как ее правительство, так и широкая общественность продолжали отстаивать интересы Мухаммеда Али, в противовес тем целям, к которым стремились турецкий султан и Порты.

---

³⁸ Cevdet paşa, Tezakir. 1—12. Yayınlayan prof. Cavid Baysun, Ankara, 1953, стр. 7—8.